

Дики адьгского прошло



ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 15 (127)

КАВКАЗ. АБХАЗИЯ, АДЖАРИЯ, ШАВШЕТИЯ, ПОСХОВСКИЙ УЧАСТОК.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ГРАФИНИ УВАРОВОЙ. 1886 г.

Прасковья Сергеевна Уварова, ур. Щербатова (1840 – 1924)

Графиня Прасковья Сергеевна Уварова (урожденная княжна Щербатова; 28 марта (9) апреля 1840, с. Бобрики, Харьковская губерния – 30 июня 1924, Добрна, Югославия, ныне Словения) – русский ученый, историк, археолог из рода Щербатовых. Жена знаменитого археолога Алексея Уварова (1825 – 1884).

Родилась в семье князя Сергея Александровича Щербатова и Прасковьи, дочери князя Бориса Святополк-Четвертинского. Внучатая племянница Марии Нарышкиной, фаворитки Александра I и матери его детей. Сестра князя Николая Щербатова, директора Исторического музея.

В юности часто появлялась на балах. Не исключено, что Прасковья навевая образ Кити Щербацкой в романе «Анна Каренина»: «Платье не теснило нигде, нигде не спускалась кружевная берта, розетки не смялись и не оторвались; розовые туфли на высоких выгнутых каблуках не жали и веселили ножку. Густые косы белокурых волос держались как свои на маленькой головке. Пуговицы все три застегнулись, не порвавшись на высокой перчатке, которая обвила ее руку, не изменив ее формы. Черная бархотка медальона особенно нежно окружала шею... Глаза блестящие, и румяные губы не могли не улыбаться от сознания своей привлекательности». А вот запись того же времени в дневнике Л. Толстого: «Со скукой и сонливостью поехал к Рюминым, – пишет он 30 января 1858 г., – и вдруг окатило меня. П. Щ. – прелесть. Весело целый день».

В 1859, в 18 лет, Прасковья Сергеевна вышла замуж за известного русского археолога А.С. Уварова. Молодые совершили свадебное путешествие по Италии, что еще более подогрело её интерес к историческим древностям.

Впоследствии являлась председателем Московского археологического общества, почет-

ным членом Императорской Академии наук (1895), профессором Дерптского (1888), Харьковского (1906), Казанского (1910), Московского (1910) университетов, Петербургского археологического института (1891), Лазаревского института восточных языков (1902). После революции в эмиграции, умерла в Югославии.

Творческая деятельность

Связав свою судьбу с А.С. Уваровым, П.С. с полной самоотдачей включилась в работу Московского археологического общества – организации, созданной ее мужем для всестороннего изучения, охраны и популяризации отечественной старины. К концу XIX в. в Обществе насчитывалось около 500 человек. В их числе такие корифеи отечественной науки, как В.О. Ключевский, М.П. Погодин, С.М. Соловьев, И.Е. Забелин, В.А. Городцов.

П.С. участвовала в проведении археологических съездов, в основании крупнейшего музея страны – Исторического музея имени императора Александра III. После кончины мужа, в 1885 ее избирают председателем Московского археологического общества. Она возглавляет Комиссию по сохранению древних памятников, которой рассматривались вопросы сохранения сотен памятников; археологи, архитекторы, искусствоведы отправлялись в российскую глубинку для натурного обследования какого-нибудь приговоренного к слову храма или крепостной стены.

Члены Комиссии рассматривали и более общие вопросы. Так, 2 мая 1906 г. под председательством П.С. состоялось специальное заседание, на котором было выдвинуто незамедлительно, в течение лета, «составить полную, по возможности, опись существующих древних памятников по ранее выработанной и принятой Обществом схеме», то есть полный каталог отечественных древностей. Этот замысел долгие годы пытались осуществить советские ученые, но



каталог поныне не завершен.

В 1906 г. П.С. из своих средств учредила в память А.С. Уварова премию за исследования в области древнерусского зодчества. Спустя три года ее вручили инженеру М.В. Красовскому за фундаментальный «Очерк московской архитектуры».

В 1916 П.С. пишет письмо министру внутренних дел А.Н. Хвостову, убеждая издать закон о запрете вывоза древностей из России.

Научные работы П.С. Уваровой, связанные с Кавказом:

Могилиники Северного Кавказа (1900); Коллекция Кавказского музея (1902); Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования (1890); Обзор деятельности первых 12 съездов (1905); Кавказ. Путевые заметки (1904).

С жизнью и научной деятельностью выдающегося представителя российской интеллигенции, археолога и организатора науки нас знакомит книга: Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни / Государственный Исторический музей. М.: ГИМ, 2005. 368 с.

По материалам статьи «Уварова, Прасковья Сергеевна» из Википедии.

24-го – 3 июля. Новоросийск только что возникающий русский город на берегу реки Цемес и бухты того же имени, на месте древней Горгипии, по мнению Дюбуа, или известной турецкой крепости Сунджук-Кале (Сунджук-Кале, или вернее Джуго – Джук-Кале, значит по черкески – «крепость мышей»).

Страбон приурочивает к этой местности город Бата; Цицпокс видит здесь город Патус; Ариан говорит об известном лимане в городе Хиерос, из которого Боек (в Берлине) филологическими доказательствами выводит Горгипию Страбона, – имя, приданное, по его мнению, позднее синдами тому же Хиеросу.

Полюбился же более всех, должно быть, край этот генуэзцам, ибо на всех средневековых итальянских картах Цемесская бухта слывет под именем «Cala-Limena» (красивая бухта). И правы же в самом деле итальянцы: бухта прелестна, как по своим голубым волнам, по далекому синему горизонту, по тихому пристанищу, которое представляет она мореходу, так и по далекому, богатому ущелью, по зеленому своим горам. Правы и мы, когда отдаем справедливость этому прелестному уголку и сожалеем, что край этот почти заброшен, почти совершенно обезлюден. Местность вокруг Новоросийска еще очень мало населена; черкесские аулы все исчезли, а заменить их нечем и нечем; кое-где мало-российский поселок, кое-где чешская колония, а земля лежит неразделенная, постепенно зарастая бурьяном и мелким кустарником.

Бухта Цемес меньше Севастопольской, но весьма удобна и имеет такой же мягкий, илистый грунт, как и Севастопольская; вдается она в Кавказский берег с севера на запад; северо-восточная сторона ее имеет ровные каменистые берега и окаймлена хребтом Маркоч или Майн; северо-западная сторона, совершенно сглаживаясь, принимает в себя речку Цемес,

которая, не доходя до моря, образует маленькое озеро Шессетуко, поросшее совершенно камышом и травой и более похожее на болото. Западная сторона бухты образует две маленькие бухточки, и кончается к югу двумя узкими песчаными языками, соединяющимися треугольником и образующими то, что местные жители называют лиманом. По моим наблюдениям, лиман этот и весь Новоросийский полуостров следует более подвинуть к юго-востоку к мысу Дооба, чем это указано 10-верстной картой Кавказа. К юго-востоку мыс Дооба образует еще довольно глубокую бухточку, которая называется многими «фальшивым Геленджиком», так как ее часто принимают за бухту того же имени, расположенную ниже.

Вообще, местность Новоросийска была весьма удобна для древних поселений: горы все отлогие, почва плодородная, в растительности нет недостатка, а речек, кроме Цемеса, три, из которых первая оставила следы на главной городской площади в виде довольно глубоких колодезь; вторая у поселка также имеет хорошие ключи и колодцы. Очень может быть, что были и другие речки, следы которых и теперь заметны, но они от времени и небрежности иссякли.

На мысу Дооба и севернее, на одном из отрогов хребта Маркоча, стоят два маяка. Хребет Маркочи, и вообще все нас окружающие горы – чисто известковые, эоценовой формации, и суть ничто иное, как откосы, или отпрыски главного Кавказского хребта; не имея недостатка во влажности, они покрыты лесом и травой.

У города земли очень много, но она в ужасном запустении: луга поросли кустарником (колючкою – smilax – держи-дерево или черт-дерево, мелким кратегусом – rhamnus paliurus, жидовским деревом – rhus cotinus, скампеей, дубом, ольшакон – хмечер, seringa, кизилом, шиповником, rosa pumila) все бо-

лее и более непроходимым, а лес предоставляется рубить всякому желающему, уплатив за воз 20 коп. Несмотря на то, что у города земли множество и земля эта могла бы быть обращена в чудные луга, так как и теперь в очищенных местах трава самая сочная (розовый клевер и горошек), достигающая вам по поясу, пуд сена в Новороссийске стоит от 50 до 75 коп., а за овес зимою платили по 1 р. 60 коп. за пуд; теперь же он стоит 1 р. 20 коп.

Вблизи самого города, между последними его домами и поселком, принадлежащим городу, заметны остатки древних, давно заброшенных построек; тянутся они от самого взморья, далеко по плоскогорью, поросшему мелким кустарником и упирающемуся с северо-западной стороны в отдельно стоящую, пятиверстную гору Скабскую. Все плоскогорье очень каменисто и потому возможно на ошибку; но необходимо изучить эту местность капитальной раскопкой; необходимо проверить сказания древних и средневековых писателей; сделать это необходимо неотложно, ибо в эту сторону собирается раздвинуться город и теперь уже, ближе к морю, делят землю на участки.

Далее, над поселком и над выгоном, до самой крепости Сунджук-Кале, земля мягче, плодороднее, чище от камней, но остатков развалин и построек нет. За поселком плоскогорье также каменистое, но следов построек не заметно. Крепость четырехугольная, с тремя валами и четырьмя башнями, не представляя ничего интересного и не сохранила более ни одной цельной стены.

За крепостью, на плоскогорье следы могил и маленьких курганов, прозываемых Черкесскими могилами. Некоторые из них недавно разрыты.

25 июня. Под вечер предприняли поездку в горы, по так называемой Крымской дороге. Называется она этим именем потому, что горным хребтом Маркочи доходит до большой станции Крымской, расположенной по дороге в Екатеринодар. Выехали берегом бухты, мимо озера и, минуя нефтяной завод, завернули на левый берег Цемеса; версты две ехали по топкой, грязной полевой дороге, но, взбираясь к подошве гор, выехали на отличное шоссе, проложенное вдоль Маркочи и его зеленых ущелий. Тихо и спокойно в этих ущельях, точно Тироль или Швейцария. Обочиваясь и в особенности при поворотах дороги, видим голубую бухту и далекое море. На 12-й версте, после сильного подъема, местность делается еще красивее: чувствуется большая сырость; вода сочится из-под известковых наслоений; со всех сторон струятся ключи, и величественные буки, грапы и чинары, перевитые, полузадушенные итальянским плющом, clematis в полном цвету и диким виноградом, приковывают наши взгляды. Налево надвигаются

этажи гор, из-за которых сиенит в тумане продолговатая вершина горы Гудзовой. Но вот мы завернули направо; ущелье сузилось и углубилось; слышатся говор и лепет бурной речки; видны нависшие ивы и зеленая полянка налево, через мост: это речка Небержай и почтовая станция Липки. Река бурлит и, разбегаясь по разным рукавам, образует зеленые островки, обрывает берег, то и дело скрываясь под нависшими ветвями деревьев. Станция, состоящая из нескольких отдельных мазанок, расположена на прелестной зеленой поляне, с высоким буковым лесом на задней стороне; но нет слов, чтобы описать убо-

компания устроила цементный завод для разработки этой местной эоценовой формации, состоящей из трех сортов известняка, из которых два сорта обращаются одним обжигом и размолом в лучший порландский и романский цемент; третий – серый годится на то же употребление при незначительной примеси кремнезема.

Раскопки начали мы на правом берегу Цемеса, на солнечной стороне горных откосов, частью совершенно лишенных растительности. Беловатый известняк кое-где прикрыт здесь только серым лишаем, травой того же цвета, да прелестным розовым конвольвулусом, который сво-

этого необходимо провести в ней, как мы, весь день, с 6 часов утра до 8 вечера, изучить ее при утренних лучах солнца, и в полуденный жар, и при вечерней прохладе.

В курганах на правой стороне Цемеса один гравий, или скорее земля, смешанная с известковым камнем, трескунном; на левом берегу – большие курганы, все из чернозема – ясное доказательство, что все они насыпались из земли, взятой тут же, на месте.

Три дня рыли курганы в первой местности, на участке малоросса Кравченко, два остальных дня, разделивши труд, на левом берегу реки, на участке Богословского. Эти

целой семьи или целого рода. Плиты все очень большие, с 6 верного размера трудно найти, так как все камни сняты поселянами и очень многие переломлены.

Дальше к югу, ближе к горам, замечаем большую группу курганов, подобных первому могильнику.

29-го июня. Посетили Графскую поляну, лучшее гулянье городских жителей, прозванную «Графской» в честь гр. Воронцова. Поляна эта ничто иное, как продолжение запущенной, заросшей городской земли, на которой, по Цемесу, сохранилось несколько великолепных ясеней, – новый образчик неряшливости, невзыскательности и неразвитости русской публики.

Вечером проехали по бухте при лунном свете.

30-го июня и 1-го июля. Посвятили поездке на хутор местного помещика чеха Гейдука.

Хуторок Гейдука приютился на левой стороне Цемеса, у последних отрогов Маркочи, вправо от большой Анапской дороги, между чешскими колониями Нефедовки, Кириловки и Владимировки и через дорогу от тех потомственных дарственных участков, о которых упоминалось выше. В лесу у Гейдука, или скорей на его участке, поросшем мелким кустарником, перевитом во всех направлениях диким виноградом и цветущей clematis, видели мы два дольмена, не очень больших размеров и в полуразвалившемся положении. Видели мы здесь также, числом от шести до десяти, насыпи, которые необходимо подвергнуть раскопке с целью исследования – принадлежат ли они к искусственным насыпям, или следует видеть в них простую игру природы. Насыпи эти состоят из незначительных возвышений, по которым расположены в беспорядке и системы глыбы серого песчаника. Глыбы эти не принад-

«Последними же обитателями и хозяевами «Широкой балки», оставившими после себя одичалые фруктовые деревья и курганы на склонах щели, были воинственные черкесы. Но и эти единственные памятники-свидетели черкесского владычества хищнически уничтожаются: одичалые сады вырубаются и курганы раскапываются старательными кладоискателями. Расхищение курганов – дело обычное в окрестностях Новороссийска; так, например, в 1906 г. в северо-западных окрестностях города насчитывалось 13 дольменов, в настоящий же момент от них не осталось и помину; мне известны еще и некоторые другие факты, яснее первого указывающие на дерзкое и систематическое расхищение не только горских кладбищ, расположенных в укромных местах ущелий и гор, но и курганов около шоссе дорог. В результате получилась плачевная картина: вырваны и до того немногочисленные страницы исторической жизни окрестностей Новороссийска, которые при всем желании не могут быть восстановлены».

Сорохтин Г.Н. Черепки черкесских курганов «Широкой балки» // Известия Кавказского отдела Русского Географического общества. Т. XXIII. № 3. Тифлис, 1915. С. 272–273.

жество, грязь и неряшливость этой почтовой станции. Неужели и под благословенное небо юга перенесем мы нашу лень и вытекающую из нее бедность и нищету, которую мы всегда расположены приписать лишним и невзгодам севера?

Долго просидели мы у самой станции, налево от последней шоссе арки-моста, на окраине букового леса, у горного потока. Сколько мысли и поэзии у одного такого уголка, где много сделано природой, но где и человек приложил свою руку и голову!

На возвратном пути, при заходящем солнце, еще прелестнее обрисовывалась бухта, далекая маячная гора и различные этажи синеватых, туманных гор.

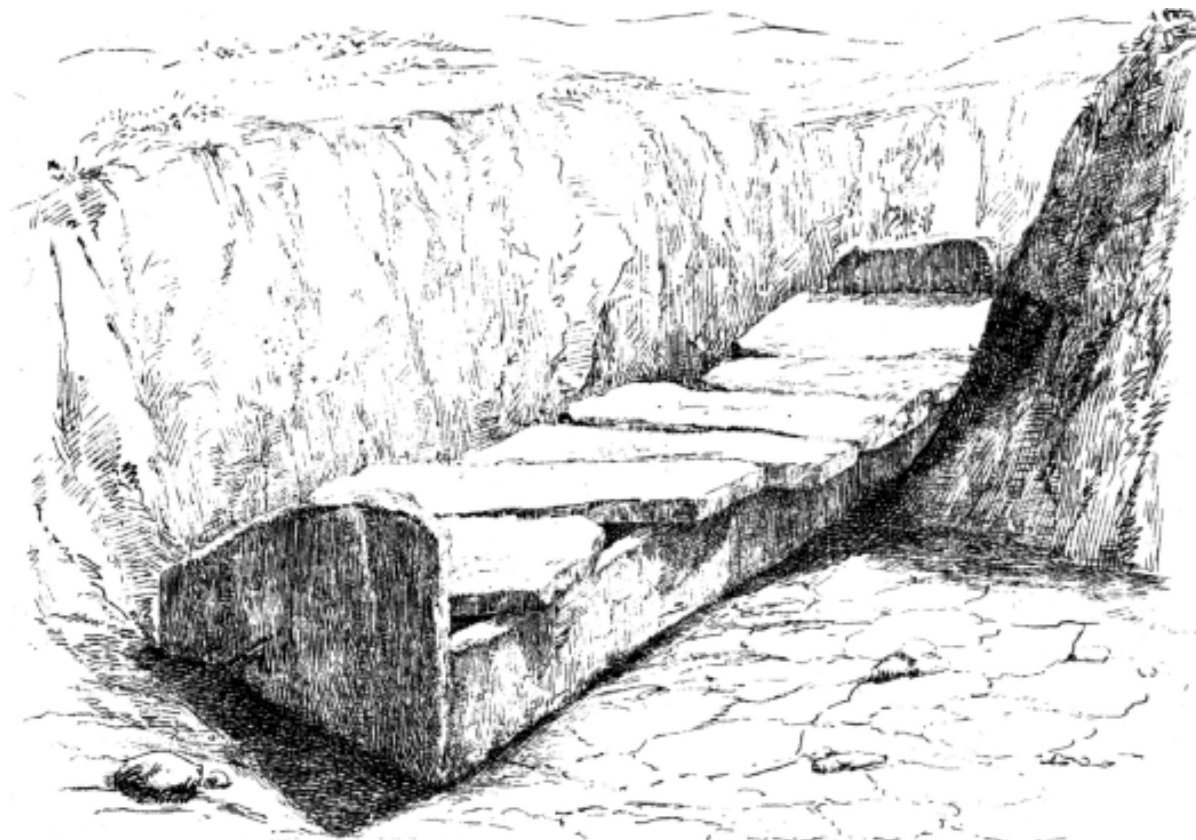
26 – 28 июня. Предприняли раскопки в 9 верстах от города, по Анапской дороге (за первым мостом) на потомственных участках, отвешенных в 30-х годах первым поселенцам из малороссиян, пришедшим в этот край. Земля эта граничит с городской и состоит из участков в 15, 20 и 40 десятин, которыми владеют мещане новороссийские, имеющие на них только временные, летние мазанки. Иные из этих участков разделаны, частью засеяны, иные представляют ту же неурядицу, как и городские земли.

По дороге пришлось несколько раз переезжать вброд Цемес обыкновенно мелководный, но разлившийся и бурливый ныне, вследствие последних сильных дождей. Прологает он повсеместно себе ложе по местному известняку, то голому и гладкому, как скала, то по компактной массе гольшей, связанных и скрепленных в конгломерат той же разложившейся местной известью.

В Новороссийске немецкая

ими живыми красками придает еще большую прелесть местности. Курганов множество; похоронное поле раскинуто на нескольких десятинах, начиная с голых откосов и уходя в горы до самой их подошвы; они поросли частью лесом и кустарником, который, предохраняя почву от палящих лучей солнца, придает ей некоторую свежесть, прикрывая ее ежегодно своею опадающей листвой и, накапливая таким образом хумус, оплодотворяющий почву. Трава здесь снова высокая и пахучая; тысяча цветов пестреют кругом нас. Северному жителю не понять аромата, наполняющего воздух в подобной местности, силы солнечных лучей и живительности воздуха: для

последние курганы, числом 7, совершенно иного характера чем первые; расположены они как бы в низине, в укромном местечке у подошвы последних отрогов гор, куда, вероятно, годами сносилась весенними потоками лучшая растительная покрывка с соседних пригорков. Таким образом веками накопился глубокий чернозем, тучный, глубокий, покрывающийся травой выше пояса. Из этого чернозема насыпаны и описываемые курганы, которые во всей окрестности обставлены торчком большими известковыми плитами, необходимыми, вероятно, главным образом для удержания легкой, рассыпчатой почвы и для скрапа курганного остова, назначаясь местом упокоения для



Подкурганное погребение в каменном ящике в Мысхако.

См.: Сизов В. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. Вып. II. М., 1889. Табл. VI.

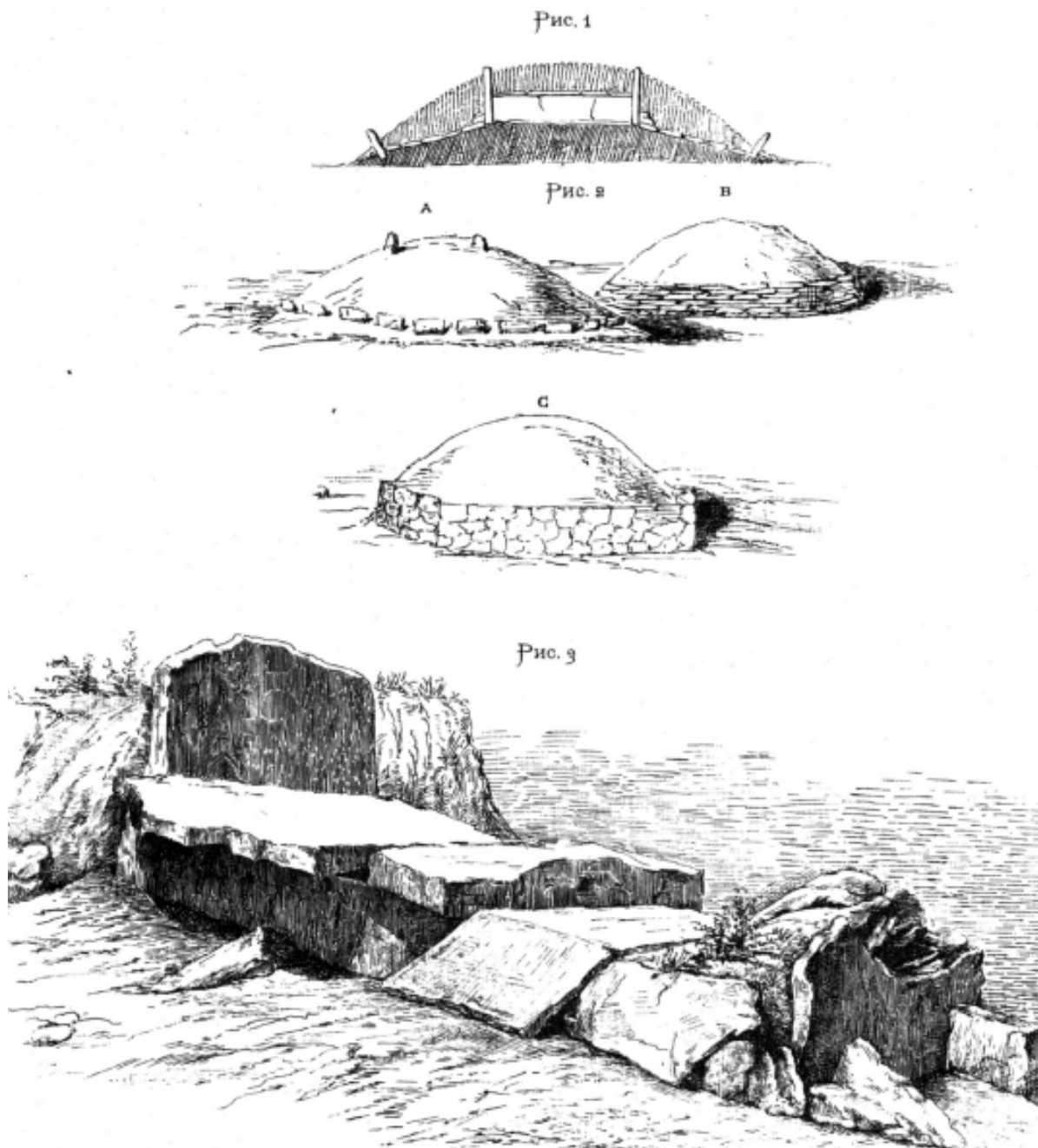
лежат к эоценовой формации, из которой состоит почва долины Цемеса, но подобный им песчаник разрабатывается на ближайшей горе, называемой Гудзовой, и мог в былое время, быть принесен или разметан с соседних холмов напором горных вод и потоков. По моему мнению, подобные валуны послужили вероятно и для постройки долменов, которые встречаем на здешних горах, и постоянно в сопровождении подобных глыб.

Раскопки этих насыпей нам не удалось произвести на том основании, что, находясь в этой местности во время самого разгара сельских работ, мы не могли найти достаточного количества рабочих, которые в состоянии были бы поднимать и переворачивать громадные глыбы, с которыми приходилось бы иметь дело. С Гейдуком осмотрели курганы на участке Кузьмина: первые – на левой стороне Цемеса, с виду подобные разрытым нами на земле Кравченко, но с каменным гробом внутри; вторые – на правом, нагорном берегу Цемеса, с такими же валунами, как у Гейдука. Из первых вынуты кувшинчики, железные сабли, ножи, бронзовый наперсток и пуговицы, подобные нашим; при чем не могу не упомянуть о пазументе, тесненном из тонкой бронзовой проволоки, подобном нынешним растяжным филигранным пазументам, служащим к привешиванью у пояса разных необходимых туалетных принадлежностей. Замечу также, что в этих могилах нашлись железные ножи, прикрепленные к ручкам тем же способом, который так обыкновенен для ножей Мерянских могил, состоящего из тонкой двойной проволоки, намотан-

у ущельем. Сильным подъемом поднимаемся на хребет горы. Пред нами, в весьма близком расстоянии вершины Гудзовой горы, горы Черкес и Глебовой; меж ними долина р. Озерейки; налево – чудно-синяя бухта; в тумане бухта Геленджика и море... Направо, – еще в более нежных голубоватых тонах Анапа с Азовским морем. По горе, по самому ее хребту, замечаем на равном расстоянии один от другого камни, врытые перпендикулярно в землю – может быть меж древних насельников черкесов.

Пред подъемом на Гудзову гору, обращаем внимание на перевал (через гору Маркотх), где идет в эту минуту деятельная работа по постройке туннеля для Екатеринодарской железной дороги.

Еще крутой каменистый подъем по тенистой буковой роще, и мы на Гудзовой горе. Гудзова гора у черкесов зовется также гора Гуд или Готф. У самой вершины замечаем ломку того песчаника, из которого сложены долмены и загадочные памятники на участке Гейдука, песчаник плиоценовой формации, к которому принадлежит и почва Анапы. Горная возвышенность, расположенная на вершине Гудзовой горы, принадлежит начальнику Новороссийской области, Никифораки. По ней, вдоль всего хребта, в виду синего моря, в направлении к Новороссийску, то есть с запада на восток, расположены 5 громадных долменов, из которых один сохраняется в целости, если не считать того, что передней плиты у него нет, а задняя хотя на месте, но отвалена. Верхняя плита имеет длины 4 арш. 7 верш., ширины 3 арш. 12 верш.; задняя плита имеет



Подкурганые погребения в каменных ящиках в Цемесе.
См.: Сизов В. Восточное побережье Черного моря. Табл. VII.

работами полотна железной дороги. Вещей в наличии не нашли, но получили обещание хранить все находимое и представлять оное по начальству в Екатеринодар.

Вечер провели в семье Гейдука в расспросах и рассказах о крае и его нуждах. Невольно чувствуешь себя здесь в гостях, временно пришедшими для заселения этого чудного края: никто – ни чехи, ни казаки, ни хохлы-поселенцы не знают ни преданий, ни даже названий тех рек, долин и гор, между которыми мы движемся, которые проезжаем, которые кормят и поят их. Нет той поэзии, той томительной тоски и ласки, которые чувствовались в рассказах Казбека о его родных ущельях и их прежних насельниках...

Из всего видно, что край нуждается в разумных поселениях и в особенности в разумной администрации, направленной к сохранению, а не уничтожению богатств края: горы, когда-то покрытые сплошным лесом, превращаются мало-по-малу в пустыню, благодаря варварскому обращению строителей железной дороги и, в особенности, местных жителей-казаков, которые, очищая осенью поля от бурьяна и кустарника, выжигают огромные площади. Лес пылает тогда по всей округности, и лесничий, приставленный правительством для его разумного сохранения, любит с своего балкона пожа-

рищем, как в былое время Нерон пожаром, уничтожавшим Рим. Истребление лесов в этой местности, равно как и на Кубани, зловредно действует на плодородие почвы и на местные урожаи: вот уж несколько лет, что фруктовые деревья Черноморского округа не приносят более плодов. Табаководство довольно распространено в крае, но табачная монополия и сильные налоги убивают ее; одесские же фабриканты-кулаки на столько прижимают производителей, что цена пала с 20 р. на 6 руб. Табак выделывается предпочтительно трех сортов: Трапезунт – высокий, с сильным ростом и более грубым листом; Самсон – более нежный сорт и Дюбек, самый ценный. Взяться и за виноделие, при чем Сотерн, Рислинг, Лафит и Бургундское удаются в наилучшем виде.

1-го июля, в 6 часов, вернулись в Новороссийск; вечером хотели опять прокатиться по бухте, но сильнейший ветер широко замутил воды нашей тихой бухты, и местная флотилия (6 лодок и командир, капитан Зайцев) отказали нам в катании.

2-го июля. Съездили на озеро Абрау, в именье того же имени, принадлежавшее когда-то покойной императрице Марии Александровне, но перешедшее с тех пор в удельное ведомство. Едем по той же Анапской дороге, поворачиваем влево, забирая мимо 8-й щели или ущелья, из ко-

торой вытекает ручеек чистой, свежей воды, под нависшими, старыми ветвями. Минуем фруктовый сад одного из городских жителей и поднимаемся в гору. Дорога каменная, мертвая. Лес и здесь в ужасном запустении: большие деревья все изуродованы, выжжены, даже кустарник высох наполовину. В более плодородном, зеленом ущелье приютилась греческая колония Васильевское, с маленькою церковкою и деревянною колокольнею. Еще через ущелье, на речке Озерейке (по местному Назорейке), у подошвы горы Глебовой – чешская колония Глебово, с прекрасно-возделанными полями и жатвой значительно богаче, чем у всех остальных хозяев. При взгляде на эти чудные поля даже возницы наши не могли не воскликнуть: «вот так чехи, вот так хозяева, – не то, что наши казаки без плуга и навоза». Табак и огороды глебовские также заслуживают полного внимания.

Местность становится совершенно уютною, и не будь гор кругом нас, мы могли бы вообразить себя в Украине, среди ее зеленых, благоухающих садов и огородов. Проезжаем несколько раз извилистую Озерейку и довольно долго едем в тени деревьев, под нависшими ветвями орешников, под зелеными сводами, образованными цветущею clematis и настоящим виноградом. Одно грустно: чехи

«Около Анапы тоже бездна долменов целыми кладбищами. Кирилл Григорьевич Новицкий, землевладелец около самой Анапы, имеет 2 черепа натухайцев (черкесское племя, жившее от Анапы до Новороссийска). Я просил его переслать их Вам, с уплатою провоза в Москве. Дом его построен среди кладбища (гробов 200 кругом). Могилы как у абхазцев, но покойники иногда провиантируются. Кроме того из долмена К.Г. добыл череп человека, похороненный с лошадию (удила и пряжки от сбруи у него хранятся). Версты 2 от него в чешском селении Варваровке (в ущельи Шагири, 9 в. от Анапы) кладбище на 70 кв. саж. ... Долмены вышепоказанного кладбища Варваровки составлены из 4-х плит, приподнимающихся к В.; в западной плите 4-х угольное отверстие. Они покрыты 5-ю плитою, сильно поднятой к В., где она подперта 6-й вертикальной плитой. Камень плит местный известковый рухляк».

Из отчета уполномоченного Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии на Кавказе В.И. Чернявского о произведенных им раскопках // Антропологическая выставка 1879 года. Т. 2. Под ред. А.П. Богданова. М., 1878-1879. С. 203.

ной вокруг стержня, и таким образом соединяющей обе части ножа.

По Анапской дороге, проехали через колонию Владимировку и, свернув налево, переехали Цемес и въехали в узкое ущелье между гор. У самой переправы, за огородами селения, налево от дороги, возвышается большой, крупный курган, поросший лесом и обложенный при основании правильной стенкой из плитняка, сложенной на цементе. Едем или скорее пробираемся каменной дорожкой вдоль речки, прелестным буковым

вышины (до земли) 1 арш. 15 1/2 верш., ширины 1 арш. 11 верш. Говорят, что через балку, в лесу сохраняется такой-же долмен.

Внизу, влево у ног наших, плодородная долина станицы Борисовки; за нею горы Черкес и Глебова. Правее долина реки Дюрсо. Вид с вершины этой прелестный.

На обратном пути, проехали на перевал, составляющий временное пристанище железнодорожных инженеров, от которых хотелось собрать сведения касательно археологических вещей, находимых при

также не уважают старые деревья, и развесистые орешники этой местности, тоже выжжены пастухами и табунщиками.

Еще один крутой подъем и у ног наших, в глубине ущелья – хутора арендаторов имения Абрау. При спуске с каменистого холма, направо от дороги, под кустарником, замечаем маленькие холмики – могилы. При повороте налево, видим озеро, поросшее с этой стороны высоким камышом.

Пресное озеро Абрау расположено в 6-ти верстах от моря и со всех сторон окружено горами; в окружности имеет оно 7 верст, но за последнее время сильно мелеет. В озере есть источники, которые его питают, но мелеет оно, вероятно, вследствие безобразного уничтожения лесов. Кроме источников карта Генерального Штаба указывает на речку, вливающуюся в озеро, но она теперь уже иссякла.

Кругом озера, на скалах разводятся виноградники, дающие вино высокого достоинства. При имении имеется смотритель, винодел, малороссы из учеников Никитского сада в Крыму, его помощники и до ста человек рабочих. Работают круглый год, так как зимы почти нет, но, как и всегда, имение работает в убыток! – Весь поселок состоит из домиков смотрителя и винодела, построенных старанием прежнего начальника отдела, Пиленко, весьма красиво, в виде мингрельских домиков, с балконами и красивой террасой, да кроме того из высокой постройки, с подвалом в нижнем помещении и станками для выжимки винограда наверху. Немного поодаль строится новый подвал огромных размеров. Целый день проходили и просидели мы на берегу светлых вод этого чисто швейцарского озера. Нашла гроза; прошел сильный дождь; опять просияло солнце; а мы все сидели, да смотрели, пока солнце не стало заходить, и пришлось пускаться в обратный путь.

3-го июля. В 5 1/2 часов вечера выезжаем из Новороссийска в фаэтоне и дрогах парой, по дороге в Геленджик. Проезжаем мимо нефтяного и цементного заводов и мелким, весьма попорченным кустарником и лесом, вьется вдоль подошвы хребта Маркоч с одной стороны, и чудно-синей бухты с другой. Горный хребет этот, огибая бухту, сохраняет название свое до того места, где р. Мезиб, стремясь к морю, южнее Геленджика, разрывает его на двое; новая цепь получает название горы Кецегур и тянется до р. Пшады изменаясь немного в типе, теряя резкость своих очертаний и покрываясь почти исключительно буковыми, граповыми и фруктовыми деревьями. Хребет Маркоч не достигает более 150 или 200 футов вышины и принадлежит, как я сказала, к углекислой, известковой эоценовой формации, которая в своих глубоких бал-

«Соча (Черноморского округа). Имею честь уведомить Комитет, что черепа натухайского племени он получит от д-ра Андреева из Новороссийска. Д-р Андреев старожил, лечил еще натухайцев во время их независимости, знает их аулища; засыпал мелкие могилы (пересе) выселившихся чрез Новороссийск абадзехов и натухайцев. Он сделает там работу лучше меня и добудет притом часть черепов из центра Натухайского владения близ Худако в Кубанской области. Поэтому раскопку натухайцев я передал ему.

В окрестности Туапсе я откопал на четырех старых аулищах 61 череп шапсугского племени. Полагаю, что лишние черепки могут пойти в промен с другими музеями. Излишек случился по ошибке, а больше по необыкновенной удаче девяти рабочих, добывших 35 черепов, из коих 21 полнозубые. Я сдал 2 ящика с 13 черепами в Туапсинское почтовое отделение 7-го октября, а сегодня сдал в здешнее почтовое отделение 4 ящика с 25 черепами. В следующую среду пойдут отсюда остальные 4 ящика с шапсугскими черепами.

Здесь я второй день хлопочу безуспешно о рабочих, несмотря на содействие всего местного начальства. Мингрелы и имеретины обнаруживают панический страх пред останками человека. Я собрал сведения об здешних аулищах убыхского племени, знаю могилу владетельного их князя под большой Белолесткой: каменная гробница, по середине которой выросла яблоня в обхват толщиной, от Сочи 12 верст. Рабочих жду сегодня. С первым пароходом буду опять в Сухуме, чтобы пополнить коллекцию абхазских черепов».

Из отчета уполномоченного Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии на Кавказе В.И. Чернявского о произведенных им раскопках // Антропологическая выставка 1879 года. Т. 2. С. 251.

ках и ущельях, у подошвы гор и на их откосах и террасах, разлагаясь и выветриваясь, обращается в плодородный мергель. Кроме того дождевые и горные потоки сносят с вершин и накапливают в разных укромных уголках массу чернозема, образованию которого не мало помогает листва с многочисленных деревьев и кустарников.

Черкесы, заселявшие этот край, вероятно с очень давних пор, отнеслись весьма разумно к сельскохозяйственному богатству края: они не стеснялись и не останавливались пред глубокой обработкой отдельных горных полей и, заселив все горные ущелья, сумели, несмотря на постоянные набеги, жить с достатком, иметь поля и фруктовые сады, водить пчел, рогатый скот и целые табуны лошадей. Достатка этого хватало и на лихого скакуна, и на богатое вооружение и на изящную одежду.

Теперь все изменилось: край покорен, черкесы выселены и новые поселенцы – малороссы, казаки, греки поля запустили, фруктовые сады уничтожили, леса вырубают, а сами, несмотря на благодатный край, ходят такими же нищими, голыми, невзрачными, как и на севере. Приедешь в станицу – построек мало, земли пропасть; вместе с тем нет ни куска мяса, ни курицы, ни яйца, ни хлеба, ни крынки молока, ни зерна овса, ни клока сена. Хлеба и тут, подобно нашим средним и северным губерниям, не хватает дальше января. Спрашиваем: «от чего не сеете больше?» Ответ один: «сил не хватает»; и одна и та же причина: лень, нерадение и крайнее невежество. Становится и горько, и досадно смотреть на этих поселенцев: на силу двигаются, на силу отвечают, грязны до безобразия, начальство же их (избранные или назначенные старосты) и та молодежь, которая вращается среди них, с какой-либо служебной или научной целью – все поголовно какие-то униженные, бескостные, бескровные существа.

Но возвращаясь к хребту Маркоч. Вершины его острые, конусообразные, с резкими откосами и гранями, нисходящими перпендикулярно к морю. Вершины и отко-

сы покрыты большею частью темно-зеленым деревьем и кустарников, между которыми выделяются красноватые кусты уксусного дерева.

Едем и еще издали видим Пинайский маяк, резко выдающийся своими белыми постройками среди зелени, его окружающей, и синих волн его омывающего моря. Вся темно-голубая, скорее синяя бухта – Cala Limena поэтических генуэзцев перед нами; за ней голый известковый мыс Сунджук-Кале, а далее за ним темно-зеленая гора Скабская. Вот – налево от дороги, ближе к ущелью, дача с виноградником, а подальше и винодельня одесского жителя, Прокопенко. При повороте дороги видим всю бухту с городом, который кажется нам каким-то белым пятном на синих ее волнах.

На скалах показались кипарисы. Высокая, отвесная, голая масса выдвинулась в море, которое теперь, с наступающим прибоем, ревет и плещет у ее подошвы. Птиц не слышно вовсе; поют одни цикады, рой огромных оводов с весьма крепкими, совершенно прозрачными крыльями.

После темных, угрюмых кипарисов, снова обрадованы зеленым ущельем. Воды бухты бледнеют; гора Скабская подернулась розовым темным цветом; тучки над ее вершиной играют и переливаются лучи заходящего солнца. Все как-то стихает, наполняется торжественностью. Отвесные скалы с шумящими волнами напоминают мне далекий, милый, тихий Капри с его фальонами; гора Скабская довершает оптический обман и рисуется в воображении под видом Monte Solaro. Невольно переносишься воспоминаниями в этот блаженный уголок чудной Италии, где пришлось еще так недавно прожить, любясь ясным небом и радуясь солнцу и тихому теплоту одиночеству среди волн Средиземного моря.

В виду Дообской бухты и маяка, того же имени, минуем Пинайский маяк. Налево пейзаж Калама: известковые скалы, кое-где выступающий серый песчаник, кипарис и кустарник. Вот глубокое, зеленое ущелье, все переплетенное цветущею клематис; кое-где по горам замечаем сосну, схожую с Pinus taurica, которую мы ради моря, ради

скал, ради теплых воспоминаний о Капри и с полным сознательностью ошибочного определения, величаем итальянскую сосною. Темнеет; шум и плеск волн слышится все сильнее и сильнее. Вдруг, на повороте – видим низкую косу, вдающуюся в море среди довольно глубокого залива, волны, набегающие и разбивающиеся о нее, – и все это залито серебристыми лучами выплывающей луны. Кругом – итальянская приморская местность, весьма бедная, мертвая и угрюмая. Позднее – местность оживает: снова поля, луга и растительность. Направо, ближе к морю, – казачий пост; немного далее греческая колония Кабардинка, расположенная почти на том месте, где находился в былые времена черкесский аул Дооби на речке Накопс, текущей в море в балке, образуемой отдельным отпрыском Маркоча горой Татшагу, вдающейся в море и образующей в северной своей части Дообскую, а в южной Геленджикскую бухту.

Кабардинка, многолюдная станица, расположенная у подошвы Маркоча, с маленькой церковью, и хорошо построенной русской Министерской Народной школой. Учителем в ней молодой человек, окончивший курс в Ладжской учительской семинарии, приехавший на место без всякого знания греческого языка, с большой энергией взявшийся за дело и преодолевший все препятствия и уже успевший переплать в свою же семинарию несколько учеников из своей школы, с целью приготовить в будущем для греческих колоний учителей из местного населения. После Кабардинки дорога (до сих пор горное шоссе в отличном состоянии) превращается в простую полевую, правда, более мягкую, но зато более неровную и грязную; местами кипарисы, местами кусты, береста, грап и бук; много мелких балок и ручьев – не то Крым, не то Северная Италия, не то наша святая Русь...

Пред нами блеснуло снова море, с серебристыми, блестящими переливами... Это уже Геленджикская бухта. Мы весьма чувствительно спускаемся, бодро подвигаясь по снова каменистой дороге, между довольно частым и низким кустарником. Уже 12 часов

ночи. Везжаем в пустынную станицу Геленджик и, не видя нигде огней, останавливаемся в недоумении на обширной церковной площади. В Новороссийске нам обещали сделать распоряжение насчет ночлега и направили нас к местному старосте; будим несчастного – он ничего не знает; стучим в дом священника – он оказывается в отъезде, но человек его просит взойти. Входим и располагаемся кочевкой на полу в гостиной, единственной незанятой комнате; спим не раздеваясь, кто на маленьком диванчике, кто на стульях, кто просто на бурках, на полу.

4-ю июля. Усталые от дороги, спим отлично и просыпаемся только около семи часов, осматриваем захваченный дом, располагаемся с самоваром в саду под развесистым орешником, и вступаем в переговоры с казаками и старостой насчет осмотра местности и нашего обеда. Находим женщину, которая обещает накормить, если найдет кур, яиц и хлеба, и отправляемся на разведки.

Станица Геленджик расположена при бухте того же имени, на том месте, где была заложена летом 1831 г. русскими крепосца на месте черкесского аула Кутлице, сожженного при высадке победителями.

Геленджикская бухта прекрасна: правильным полукругом врезается она в низкие известковые берега; два выступающие мыса закрывают ее с юго-запада; бухта достигает в глубину до 8 сажень и имеет мягкое, илистое дно; ширина при входе, между мысами, 4 версты; ширина бухты в самом широком месте 6 верст. В былые времена она служила черкесам разбойничьим гнездом, где они сбывали приезжим туркам невольников и невольниц; несколько раз русские прекращали торговлю, перехватывая фелюки с добычей; но торговля снова возобновлялась, благодаря этому укромному уголку.

Как назывались мысы и кто, в былые времена, укрепился на них – неизвестно; видны валы, остаток стен и построек, и только... Левый, более нагорный мыс, называется ныне «Толстым»; правый, благодаря своим плавням – «Камышевским».

Мы взяли местную фелюку с тремя гребцами и, несмотря на сильную качку, перебрались на сей последний. Здесь, на относительно высоком берегу нашли похоронное поле, состоящее, приблизительно, из 70 довольно больших курганов большей частью обложенных при основании известковыми плитами, сложенных без всякой отделки горизонтально, без извести и цемента.

Публикуется по: Кавказ, Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки графини Уваровой. Ч. II. М., 1891. 315 с.

(Продолжение в следующем выпуске).